

РАВНОПРАВИЕ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ РОССИИ

© 2021 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, г. Москва

E-mail: ebzееv_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются юридические проблемы равноправия и самоопределения народов в конституционном правовом порядке России. По мнению автора, этот принцип историчен, соответственно, в своем развитии он пережил различные этапы и наполнялся различным содержанием. Значительное внимание уделено методологическим основаниям принципа равноправия и самоопределения народов, его субъектам и особенностям рефлексии этого принципа на их конституционный статус. Акцент сделан на выявление новых смыслов Основного Закона в результате внесения в него поправки Президента В.В. Путина.

Ключевые слова: Конституция РФ, равноправие и самоопределение народов, государство, народы, нации, соотношение принципов международного права, отечественная конституционно-судебная практика.

Цитирование: Эбзеев Б.С. Равноправие и самоопределение народов в конституционном правовом порядке России // Государство и право. 2021. № 10. С. 62–76.

DOI: 10.31857/S102694520017263-0

EQUAL RIGHTS AND SELF-DETERMINATION OF PEOPLES IN THE CONSTITUTIONAL LEGAL ORDER OF RUSSIA

© 2021 B. S. Ebzееv

Central election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzееv_bs@mail.ru

Received 31.03.2021

Abstract. The article deals with the legal problems of equality and self-determination of peoples in the constitutional legal order of Russia. According to the author, this principle is historical, accordingly, in its development, it has gone through different stages and was filled with different content.

Considerable attention is paid to the methodological foundations of the principle of equal rights and self-determination of peoples, its subjects and the peculiarities of the reflection of this principle on their constitutional status. The emphasis is placed on identifying new meanings of the Basic Law as a result of the amendment of President Vladimir Putin.

Key words: Constitution of the Russian Federation, equality and self-determination of peoples, state, peoples, nations, correlation of the principles of international law, domestic constitutional and judicial practice.

For citation: Ebzееv, B.S. (2021). Equality and self-determination of peoples in the constitutional legal order of Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 62–76.

Признание доминирующего значения Конституции в отечественном правопорядке является всеобщим. Однако ее принципы истолковываются весьма различно, как это следует из интерпретаций таких слов, как «демократия», «разделение властей», «федерализм» и т.п. Во многом это связано с тем, что за словами часто не видят ценностей, которые призвана защищать Конституция. В результате вымывается действительное содержание Конституции, а сама она превращается в свод позитивно-правовых принципов, плохо приспособленных к применению.

Но это только одна сторона часто допускаемой отечественной юриспруденцией методологической ошибки. Ее другая сторона заключается в том, что обозначаемые этими словами понятия, как и сами конституционно-правовые явления, рассматриваются в отрыве от их естественно-исторического и собственно юридического развития. В результате общество живет мифами прошлого, далекими от действительности, но способными оказывать на нее негативное воздействие. Особенно в периоды кризисов, от которых рынок и демократия, основанная на многопартийности, не могут гарантировать ни государство, ни сообщество государств. К числу таких категорий относится провозглашенное Конституцией равноправие и самоопределение народов.

Этим словосочетанием — «равноправие и самоопределение» — обозначаются несовпадающие правовые явления, а именно: принцип, на котором зиждется современное международное право; исходное начало конституционного правопорядка в целом и принцип федеративного устройства России; правовое состояние; конституционное правоотношение; конституционно-правовой институт; естественное право многонационального народа России, реализованное в форме Российского государства, и позитивное право, являющееся рефлексией объективного правоположения и в качестве такового принадлежащее ряду субъектов. В связи с этим без определенности смыслового значения данного словосочетания всякая дискуссия относительно юридической природы конституционно- и международно-правовой природы категории равноправия и самоопределения народов, содержания принципа и права на равноправие и самоопределение, его субъектов и проч. рискует остаться бесплодной, а само «равноправие и самоопределение» — превратиться в абстрактное понятие с безграничным объемом и нулевым содержанием.

Следует также учитывать, что принцип самоопределения по своей природе одновременно является и политическим, и юридическим. Причем

его политическое содержание, возможно, вполне рациональное для прошлого и адекватно отражавшее интересы участников международных и внутригосударственных отношений, часто и сегодня, несмотря на кардинальное изменение обстоятельств, берет верх над юридическим.

Из последнего замечания следует, что принцип самоопределения историчен. Как и многие общественные веления, этот принцип обладает и созидательным, и разрушительным потенциалом. В своем развитии он прошел долгий и во многом противоречивый путь. На различных этапах отечественной, европейской и мировой истории его содержание менялось под влиянием эпохи и сообразно ее вызовам. Оно существенно отличается от еще недавно доминировавших представлений и различно в правопорядках современных государств. Это различие обусловлено особенностями их исторического развития, этническим составом населения и характером взаимодействия между его частями, уровнем политической и правовой культуры, приверженностью демократии и правам человека и проч. Мир живет в меняющейся реальности, требующей адекватной ей оценки, свободной от мифов прошлого.

Между тем отечественные учебные курсы по конституционному праву, а во многом и научные источники предлагают стереотипные решения вопроса о равноправии и самоопределении народов, отражающие представления эпохи Великой российской революции или становления и развития советского типа федерализма. Эти решения были вполне созвучны эпохе деколонизации и активно использовались в процессе ее осуществления. Но ныне они выглядят ортодоксально и неспособны служить надежными ориентирами в процессе функционирования конституционного правопорядка России. Особенно когда такие доктринальные решения сопровождаются попытками механически перенести на отечественную почву сложившиеся некогда в международных отношениях представления и практику, связанную с разрушением суверенных государств и образованием на их территории новых государств (внешнее самоопределение) либо обретением народами колоний государственности, в сферу отношений, подчиненных конституционному правопорядку (внутреннее самоопределение).

* * *

Принцип самоопределения является порождением западноевропейского политического опыта. Он далеко не сразу приобрел то содержание, которое придавалось или придается ему современным публичным правом. Этому принципу предшествовал принцип «национальности»

(национально-государственный принцип), провозглашенный Великой французской революцией конца XVIII в. Его смысл заключался в «превращении государств из территориальных объединений господства в самоуправляющиеся сообщества»¹. Когда энергия революции выплеснулась за пределы Франции, уже в середине XIX в., этот принцип требовал расчленения существовавшего тогда международного сообщества, состоявшего из «искусственно образованных государств», на национальные государства как единственно соответствующие человеческой природе: одна нация — одно государство

Этот принцип и его естественно-правовое обоснование преследовали определенные политические цели: во-первых, прекращение королевского произвола в отношении государственной территории, которой абсолютный монарх распоряжался по собственному усмотрению, в т.ч. путем продажи вместе с населением, дарения или отдачи в качестве приданого; во-вторых, преодоление феодальной раздробленности и формирование единой политической нации как основы, фундамента будущего демократического государства; в-третьих, формирование единого общенационального рынка без таможенных и прочих барьеров. Тем самым снимались преграды, препятствовавшие развитию западноевропейского капитализма.

В немалой степени национально-государственный принцип был также направлен против так называемого Священного союза, созданного после поражения Наполеона 22 июня 1815 г. при Ватерлоо, и пытавшегося утвердить легитимность государей, т.е. сохранить власть правящих династий во всех европейских странах. Старый порядок не был готов сдаваться. Напротив, по инициативе царя Александра I соответствующий договор, оформивший создание Священного союза, был подписан монархами Австрии, Пруссии и Российской Империи 26 сентября 1815 г. в Париже. Позднее к нему присоединилось большинство европейских государств.

Цель этого договора заключалась, с одной стороны, в борьбе с нарушениями государственных владений, с другой — в подавлении вооруженной коллективной интервенцией революционных движений внутри европейских государств.

Именно тогда за Российской Империей закрепилась печальная и, кажется, ею не очень заслуженная слава «жандарма» Европы и «тюрьмы народов». Не последнюю роль сыграла давняя политика «сдерживания» России, проводившаяся

европейскими державами и требовавшая идеологического обоснования. Такой же «чести» удостоивались Австро-Венгрия и Османская империя.

К. Маркс был прав, утверждая, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»². Принцип «национальности», т.е. строительства государства по национальному принципу сыграл свою историческую роль в крушении феодализма и становлении Нового порядка. Он дал обильные плоды и привел к полной перекройке политической карты Европы. В 1830—1833 гг. в результате борьбы за независимость появилось Греческое государство. В 1861 г. возникло Королевство Италия, в 1871 г. — Германская империя, в 1905 г. Норвегия отделилась от Швеции. В 1878—1913 гг. добились национальной государственности народы Балкан³. Республиканская Швейцария и Королевство Бельгия, а также Российская Империя и Австро-Венгерская монархия сохранились как многонациональные государства.

Национально-государственный принцип в Западной Европе в целом выполнил свою задачу. В первой четверти XX в. на смену ему пришел принцип самоопределения народов и наций, взятый на вооружение различными политическими силами России и используемый в прямо противоположных целях. Считается, что в его теоретическом обосновании в нашей стране выдающаяся роль принадлежит марксистско-ленинскому учению по национальному вопросу. Однако в действительности право на самоопределение народов носило характер общедемократического требования переживаемой Россией эпохи. В частности, в пункте 1 декларации Временного правительства России от 5 (18) мая 1917 г. говорилось, что оно «ставит своей целью скорейшее заключение мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достоинства, ни насильственного захвата чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов».

В.И. Ленин и его соратники вплоть до крушения монархии и победы Великой российской революции были фанатично привержены принципу «национальности» и преуспели в соединении принципа самоопределения с теорией классовой борьбы. Считается, что программа большевистской партии по данному вопросу была изложена В.И. Лениным в ряде его работ, в т.ч. статьях «Критические заметки по национальному

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422.

³ См.: Курс международного права. М., 1989. Т. 2. Основные принципы международного права. С. 170.

¹ Фердросс А. Международное право / пер. с нем.: под ред. Г.И. Тункина. М., 1959. С. 59.

вопросу», «О праве наций на самоопределение», «О национальной гордости великороссов», написанных в 1913–1914 гг.⁴ В действительности, речь шла не «просто» об освобождении народов от «национального гнета», а об установлении нового национального и международного правопорядка, основанного, как полагали В.И. Ленин и его соратники, на самоопределении освободившихся от капиталистической эксплуатации наций. «Выставляя принцип права на самоопределение, — говорил И.В. Сталин на VII (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 г., — мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага»⁵.

Советская власть была последовательна в приверженности этому принципу «национальности» в его интерпретации сквозь призму теории классовой борьбы, обогащенному новыми смыслами, привнесенными Первой мировой войной. В Декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. говорилось: «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию... не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решится без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием». Мир без аннексий и контрибуций, а не продолжение Первой мировой войны — этого требовала Советская Россия.

Спустя неделю, 2 (15) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров была принята Декларация прав народов России. В ряду других Деклараций провозгласила «право народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Жупел «тюрьмы народов», которым многие десятилетия пугали европейские и другие народы, остался в прошлом, а свершившая Великую российскую революцию политическая партия в борьбе за самоутверждение получила поддержку т.н. национальных окраин.

Это привело к изменению акцентов в национальной политике. В.И. Ленин вовсе не был готов к раздроблению России на множество мелких государств во имя догмы национально-государственного принципа. Самоопределение, по мысли вождя Российской революции, должно было служить первым шагом к последующему объединению равноправных народов России в единое

государство — «добровольный и честный союз народов России» — на началах федерализма или автономии. Дух разрушения должен был уступить место духу созидания. Соответственно, 3 (16) января 1918 г. ВЦИК принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой был написан В.И. Лениным. Согласно п. 1 Декларации, ставшей в июле 1918 г. первым разделом Конституции, Советская Российская Республика учреждалась «на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».

Таким образом, в этот исторический период отечественной истории самоопределение служило инструментом решения национального вопроса в его этническом наполнении и интерпретировалось сквозь призму марксистско-ленинского учения о классовой борьбе. Причем национальный вопрос был подчинен целям и интересам такой борьбы. Но столь же несомненно, что для победившей в октябре 1917 г. партии главное в самоопределении — не отделение народов России и образование ими самостоятельных государств, а свободное определение народами России путей своего социального развития. Разумеется, без частной собственности и эксплуатации человека человеком. При этом адресатом этого политического принципа выступали не только народы самой России или Западной Европы, но и народы колоний.

Революция была честна. Утерянную государственность восстановила Польша, провозгласила независимость Финляндия, обрели государственность Украина, Белоруссия, народы Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Тогда же Советская Россия под систему колониального господства заложила мину замедленного действия, которой было суждено взорваться в будущем и принести свободу множеству народов колоний.

Выдающееся значение для отечественного и зарубежного конституционализма, равно как и международного права, имело выдвинутое в этот исторический период положение о том, что право на самоопределение, включая территориальные разграничения, должно осуществляться свободным волеизъявлением населения. Главное условие правомерности такого волеизъявления — голосование граждан. Тем самым юридическая наука и практика приблизились к осознанию, что самоопределение — это не только коллективное право народа, но и индивидуальное право, точнее — коллективное право, осуществляемое посредством индивидуального выбора. Причем они находятся под равной правовой защитой.

В эпоху, когда по общему международному праву передача территориального суверенитета

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24–26.

⁵ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 3. С. 8.

не нуждалась в согласии населения передаваемой территории, эти инициативы имели революционное значение. Получение согласия населения передаваемой территории на цессию предусматривалось лишь в отдельных договорах; теперь получение такого согласия должно было стать общим правилом⁶.

Возвести это требование во всеобщий международно-правовой принцип пытался Президент США В. Вильсон (1856–1924). 8 января 1918 г. он представил Конгрессу США проект завершающего Первую мировую войну мирного договора, вошедшего в историю как «14 пунктов Вудро Вильсона». Эта программа частично была принята участниками переговоров о мире. Во многом, считают историки, потому, что она была альтернативой Декрету о мире, который казался западным державам более радикальным.

Справедливости ради следует отметить, что пункт программы, касавшийся России, казался вполне разумным: «6. Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий». Правда, эта миролюбивая риторика не помешала США вместе с «нациями-сестрами» от далекой Австралии до соседней Японии принять участие в иностранной военной интервенции в России, раздираемой смутой и Гражданской войной. Вопреки совету своего военного министерства, Вильсон отправил в Россию экспедиционный корпус армии США численностью около 8 тыс. человек.

Для последующего изложения и предлагаемых теоретических решений значимы еще два пункта программы. Один из них касался судьбы ранее неправомерно отторгнутой и оккупированной государством-агрессором территории государства, которое было жертвой агрессии: «8. Все французские территории должны быть освобождены

и оккупированные части возвращены, а зло нанесенное Франции Пруссией в 1871 году в отношении Эльзас-Лотарингии, которое нарушало всеобщий мир почти что 50 лет, должно быть исправлено, чтобы мирные отношения могли снова быть установлены в интересах всех». Смысл данного тезиса, помимо прочего заключается в том, что неправомерно отторгнутые от государства территории, несмотря на утрату территориального верховенства данного государства, не становятся по праву частью территории иного государства. Правонарушение не порождает законного титула владения чужой территорией.

Другой пункт касался юридического значения воли населения соответствующей территории: «5. Свободное, чистосердечное и абсолютное беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены».

Спустя полгода он заявил, что все вопросы территории должны регулироваться непосредственно заинтересованным населением путем свободного принятия решения. Таким образом, принцип самоопределения постепенно становился требованием внешней политики европейских государств в их отношениях между собой. США при этом закладывали основы своего будущего политического господства в Европе и получали европейские рынки. Россия жаждала справедливого демократического мира, без которого восстановление порушенного хозяйства и умиротворение страны было невозможно. Разумеется, не теряя при этом надежду на мировую революцию. Западноевропейские государства-победители требовали удовлетворения своей корысти за счет побежденных и были едины в решимости не пустить к себе свершившуюся в октябре 1917 г. в России революцию. И все вместе не желали повторения вакханалии национал-шовинизма, спровоцировавшей Первую мировую войну.

Как раз последним было продиктовано изменение отношения Западной Европы к национально-государственному принципу после Первой мировой войны. Европейские государства пришли к выводу, что принцип «национальности» неосуществим, поскольку его объективно невозможно реализовать. По замечанию французского конституционалиста Ж.-П. Жакке, выявилась невозможность «оснастить» каждое национальное

⁶ См.: Фердросс А. Указ. соч. С. 63 и сл.

сообщество государственной структурой⁷. Поэтому акцент был сделан на признании за населением, принадлежащим в различных западноевропейских государствах к меньшинствам этнического, религиозного или лингвистического характера, определенных прав. Словом, западноевропейский конституционализм, в отличие от Священного союза столетием раньше, обуздал стихию неограниченного национального суверенитета, передав распоряжение правом на самоопределение государству. Тем более что в феврале 1917 г. не стало Российской Империи, в октябре 1918 г. распалась и Австро-Венгрия, раздавленная грузом межнациональных противоречий. А вместе с ними осталось в прошлом естественно-правовое обоснование принципа национальности, т.е. права на самоопределение в форме отделения и образования национального государства. «Внешне» самоопределение для западноевропейского правового и политического пространства постепенно становилось исключением из правила, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами; оно теперь осуществляется в границах государства, которое и является субъектом соответствующего права.

В отечественной конституционной практике, напротив, этот принцип все более укоренялся, причем как раз в его этнической интерпретации. Советская Россия, а затем созданный в 1922 г. Союз ССР были последовательны в своем понимании принципа самоопределения как принципа самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. В.И. Ленин в письмах членам Политбюро ЦК РКП(б) «Об образовании СССР» и «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» подверг резкой критике предложение И.В. Сталина об объединении советских республик путем вступления Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в РСФСР и превращения их в автономные республики. В этом он видел отступление от принципов пролетарского интернационализма, не отвечающего задачам дальнейшего укрепления дружбы советских народов, их сплочения и сотрудничества в строительстве социализма. Формой союзного государства должен выступать Союз ССР на базе добровольного объединения равноправных самостоятельных советских республик. Вождь предостерегал от чрезмерного централизма и подчеркивал необходимость признания суверенитета каждой республики, видя в этом неперемненное условие сплочения народов.

Эти два принципа — «национальности» и делимости государственного суверенитета в многонациональном государстве, возможно, продиктованные тактическими соображениями момента, — в той или иной форме неизменно присутствовали во всех союзных конституциях. В результате этого в Конституциях СССР 1924, 1936, 1977 гг. такое понимание самоопределения всегда сопровождалось правом союзных республик на выход из состава Союза ССР; сецессионизм, исключаемый самой природой единого и целостного государства, в его конституционной легитимации пережил все этапы развития СССР и сыграл не последнюю роль в его крушении. Вера в то, что социалистический интернационализм нейтрализует разрушительный потенциал, объективно присутствующий в самоопределении, оказалась иллюзией.

Народы бывшей Российской Империи активно «оснащались» не только государственными структурами, но и территориями. Причем далеко не всегда исторически принадлежавшими им. Украина, например, только после образования СССР и благодаря России получила Донецк, Луганск, Львов и всю Западную Украину, Харьков, Херсон, Одессу. В 1954 г. Украине из состава РСФСР решением не уполномоченного на это действовавшего в тот период Конституцией РСФСР Президиума Верховного Совета РСФСР был передан Крым.

Разумеется, при этом никто из принимавших это ничтожное с юридической точки зрения решение не озаботился получением согласия русского народа. Социалистический интернационализм был выше «юридического формализма» и не нуждался в чьей-либо санкции. «Право свободного голосования», которым только и может быть решена судьба территории, провозглашенное написанным В.И. Лениным Декретом о мире, его преемниками было предано забвению. Понадобилось 60 лет, чтобы право и справедливость восторжествовали, а Крым, юридически всегда остававшийся под суверенитетом России, ибо по меньшей мере две с половиной тысячи лет непреложно, что *jus ex injuria non oritur* — «право не может возникнуть из правонарушения», — вернулся также под территориальное верховенство России⁸. Но теперь, в свою очередь, столь же забывчив оказался «коллективный Запад» в отношении провозглашенных В. Вильсоном принципов; корысть «наций-сестер», по современной терминологии — «наших

⁷ См.: Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты / пер. с франц. М., 2002. С. 38.

⁸ См.: Кабышев В. Т., Заметина Т. В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58–74.

западных партнеров», оказалась выше права и справедливости.

Во внутривластной практике России широкое распространение получила территориальная автономия в различных формах, активно проводилась политика «коренизации» действовавших в них органов власти и управления, а также судов, прокуратуры и пр. В советский период истории были и народы, лишённые своей автономии и изгнанные с родных земель, часть которых была включена в состав Грузии. Жестокое время сопровождалось жестокими политическими решениями, крайне болезненно сказавшимися на судьбе многих народов.

Несомненно, что во многом благодаря внешнеполитической практике нашей страны этот принцип вошел в современное международное право. Но уже не в виде национального самоопределения, являвшегося потенциальной угрозой формировавшегося после Второй мировой войны миропорядку. Именно по настоянию СССР принцип равноправия и самоопределения народов получил закрепление в п. 2 ст. 1 Устава ООН; этот принцип в системном единстве и взаимодействии с иными принципами Устава ООН должен был служить достижению двуединой цели Организации, а именно поддержанию международного мира и безопасности, а в случае нарушения мира — восстановлению его (п. 1 ст. 1), т.е. имел инструментальное значение. При том, однако, что содержание понятия «народ» не было определено, в результате этого по сей день этот термин толкуется двояко — в значении этнической общности либо понятия, тождественного населению государства. Порой это понятие выступает синонимом государства.

Принцип равноправия и самоопределения народов сыграл выдающуюся роль в крушении колониальной системы (по инициативе СССР Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам). Международно-правовое содержание этого принципа раскрывается также в Международных пактах о правах 1966 г., определяющих его как право народов свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Существенное значение для интерпретации содержания этого принципа и вытекающего из него права имеет Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., согласно которой формами осуществления народом права на самоопределение являются: создание суверенного

и независимого государства; свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом.

Как можно заметить из содержания Декларации, речь в ней шла не о расчленении суверенных государств — членов ООН; она имела прежде всего и главным образом антиколониальный характер, и в части самоопределения являлась продолжением упомянутой Декларации 1960 г. «Незамедлительно положить конец колониализму», — так государства — члены ООН, принимавшие Декларацию 1970 г., определяли свою цель и вытекающие из этой цели обязательства.

Иными словами, международной правосубъектностью обладают государства. Что же касается народов, их правосубъектность *признается*, причем в весьма ограниченных пределах, только за теми национальными сообществами, которые стремились либо стремятся к созданию государств в соответствии с международным правом. Даже в эпоху деколонизации такие народы должны были иметь представляющие их догосударственные формы организации, в т.ч. квазигосударственные органы, действующие на определенной территории и представляющие проживающее на этой территории население.

Составители Декларации озаботились тем, чтобы не дать пищу демонам национализма и сопровождающего его сепаратизма в собственных государствах. Именно поэтому согласно данному акту принцип самоопределения не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий «любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных независимых государств», если они 1) действуют «с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, и 2) вследствие этого имеют «правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». Международный правопорядок вовсе не желал саморазрушения и не требовал этого от демократических государств, гарантированных в своем территориальном суверенитете, поскольку эти государства обеспечивают права и свободы всех своих граждан и с уважением относятся к национальному достоинству всех этнических групп.

Спустя пять лет, 1 августа 1975 г., Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе приняло Заключительный акт (подписали 33 европейских государства, а также США и Канада), содержащий Декларацию принципов, которыми

государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. В этом общеевропейском документе уже говорится не о самоопределении, а о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой: «Все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие». Это не легализация «внешнего» самоопределения, а обращенный к государствам Европы и Северной Америки призыв к достижению консенсуса в отношении уважения национального достоинства и вытекающих из него прав и его гарантированию национальным правом порядком.

Для понимания нормативного содержания этой новой формулы самоопределения весьма важно указание Заключительного акта на обязанности государств уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя в соответствии с Уставом ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые *относятся к территориальной целостности государств*. По существу, речь идет о гарантиях невмешательства и уважении права народов, конституировавших себя в качестве суверенных государств, на выбор форм собственной политической и социально-экономической организации. «Национальный принцип» в его этнической интерпретации и сецессионизм являются угрозой миру, способной подорвать систему Организации Объединенных Наций, смысл которой заключается в обеспечении мира и безопасности. Право на самоопределение трансформировалось в равноправие и право народов без вмешательства извне распоряжаться своей судьбой.

Однако неизменным остался адресат этого принципа: равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой является велением, прежде всего обращенным к государствам. Рецидив «принципа национальности», связанный с прекращением СССР, Чехословакии или СФРЮ, не поставил под сомнение вектор государственного строительства Европы. Эпоха, когда самоопределение толковалось как естественное право народов и наций на отделение и создание самостоятельного государства, т.е. право на «внешнее» самоопределение в форме отделения и образования самостоятельных государств, осталось в прошлом. Критерием равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой в международных отношениях стали права человека, дополняемые национальным правом порядком определенными формами национальной автономии.

Принцип равноправия и права народов на самоопределение по своей юридической природе является не субъективным правом, а нормой объективного права, обязывающей государства как субъектов международного права соответствующим образом установить свой порядок и руководствоваться в своих взаимоотношениях с иными государствами этим принципом; из этого объективно-правового положения вытекают позитивные права народов, содержание, формы, пределы и гарантии которых определяются внутренним правом порядком этих суверенных государств. Разумеется, с учетом принятых на себя государствами международных обязательств. Тем самым государству одновременно гарантируется защита от вмешательства в его внутренние дела.

Этим не исключается «внешнее» самоопределение, но оно возможно только в отношении народов, находящихся в колониальной зависимости либо иных чрезвычайных обстоятельствах, т.е. является исключением из общего правила. Такое самоопределение является результатом невозможности для части населения «внутреннего» самоопределения в смысле участия на равных основаниях в управлении государством при непременном уважении национального достоинства и присущих ему прав. Как было подчеркнуто в Декларации тысячелетия ООН 2000 г., право на самоопределение в смысле независимости, т.е. выхода из «материнского государства», принадлежит только тем народам, которые пребывают под колониальным господством и иностранной оккупацией. Народам, свободным от иностранной зависимости, принадлежит право на равноправие и право распоряжаться своей судьбой, которые сопровождаются территориальной целостностью суверенных государств, в которых проживают эти народы. Итоговый документ Всемирного саммита, состоявшегося 14–16 сентября 2005 г. в рамках 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердил эту позицию.

* * *

Конституционно-правовой аспект принципа равноправия и самоопределения народов отличается более высокой степенью юридической определенности. Его содержание, имманентные пределы, круг субъектов, способы осуществления и формы выражения необходимо выводить из основ конституционного строя и иных положений Конституции. Принцип самоопределения является частью конституционного декалога, соответственно, познание его содержания невозможно вне или в отрыве от целостной системы принципов конституционного строя, составляющих этот декалог. Существенную помощь

в этом могут оказать акты конституционного правосудия.

Выражение «равноправие и самоопределение народов» в Конституции РФ 1993 г. встречается дважды. В одном случае «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов» указаны в качестве одного из исходных начал. Тем самым составители Конституции РФ подчеркнули естественно-правовую природу принципа равноправия и самоопределения народов как соответствующего общественному сознанию основания конституируемого Основным Законом социального порядка.

Из данного положения преамбулы в его взаимосвязи с ее другими положениями вытекают по меньшей мере следующие выводы: во-первых, подчеркивается безусловное признание и уважение Россией принципа равноправия и самоопределения народов как общепризнанного принципа международного правопорядка; во-вторых, содержится указание, что Российская Федерация в ее современной конституционной идентичности является результатом и формой самоопределения многонационального народа России; в-третьих, многонациональный народ Российской Федерации как субъект самоопределения образует единую политическую нацию; в-четвертых, принятие Конституции РФ есть высший юридический акт самоопределения российской политической нации, политико-правовой формой которого выступает суверенное Российское государство, гарантирующее от внешнего вмешательства; в-пятых, принцип равноправия и самоопределения народов в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ является составной частью правовой системы России, а сферой действия этого принципа — отечественный конституционный правопорядок в целом.

Второй раз «равноправие и самоопределение народов» используется Конституцией РФ в ч. 3 ст. 5 при изложении принципов федеративного устройства России. Равноправие и самоопределение народов, теперь уже как позитивированный Основным Законом принцип, упоминаются в одном ряду с принципами государственной целостности Российской Федерации, единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации. Они образуют не конкурирующую, а *согласованную* во всех частях и *непротиворечивую* систему. Разумеется, если политические процессы развиваются в пределах, установленных Конституцией РФ.

В связи с этим в конституционном праве не имеет под собой оснований ставший общим

местом тезис об «объективном противоречии» между принципами самоопределения и территориальной целостности государства. Разумеется, если политические процессы развиваются в пределах, установленных Конституцией⁹. Противоречат друг другу не указанные принципы, а сложившиеся в сознании исследователей либо даже сообществ людей мифологемы, т.е. некие «идеальные» образы должного, разительно отличающиеся от сущего. Этот вывод в равной мере справедлив и для международного права. Как раз в связи с этим составители упомянутой Декларации 1970 г. указали, что основные принципы международного права при их «истолковании и применении... являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов». Следовательно, столь же безосновательна распространенная дилемма: «принцип самоопределения или принцип территориальной целостности?» и выводимые из нее концепции примата принципа самоопределения или, напротив, примата принципа территориальной целостности¹⁰.

Словом, Конституция РФ отказалась от ортодоксального концепта самоопределения, смысл которого заключался в обязательном соответствии этноса и государства, даже если такое соответствие противоречит реалиям бытийности

⁹ См.: Барсегов Ю. Г. Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993; Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2006; Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

¹⁰ См., напр: Остроухов Н. В. Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение: теоретико-правовые и международно-правовые изменения // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 3; Хасанов А. А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал рос. права. 2017. № 10; Караев Р. М. О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // Журнал рос. права. 2020. № 10.

На неправомерность данной дилеммы указывает С. В. Черниченко. При том, однако, что используемый им аргумент, заключающийся в том, что принцип территориальной целостности относится к сфере международных отношений, а принцип равноправия и самоопределения действует в национальном правопорядке, сам искажает правовую природу этих принципов, действующих как во взаимоотношениях между государствами, так и в конституционном правопорядке, и потому несостоятелен (см.: Черниченко С. В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. 1996. № 4. С. 18, 19). Аналогичную позицию занимает Г. М. Вельяминов (см.: Вельяминов Г. М. Соотношение принципов самоуправления народов и территориальной целостности // Правоведение. 2010. № 10. С. 103). Весьма убедителен в неприятии мнения о противоречиях указанных принципов Ю. Князев (см.: Князев Ю. О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Междунар. жизнь. 2019. № 4).

общества и места в нем этноса. Принцип равноправия и самоопределения — не политическая абстракция, содержание которой определяется по усмотрению эксплуатирующих этот лозунг сил; это правоположение выражает общие закономерности устройства Российского государства и социального порядка в целом, носителем которого оно является. Его трактовка предопределяется конституционным правопорядком России, легитимированном волей народа; смысл этого порядка и его цель заключается в обеспечении в обществе гражданского мира и согласия (преамбула, ст. 80 Конституции РФ). Именно мирный порядок, основанный на согласии сочленов общества и территориальных, этнических и прочих общностей составляет правовую основу союза равноправных народов, который ни при каких условиях не сможет быть поставлен под угрозу. В результате самоопределение приобретает созидательный характер.

Ход событий и сам процесс становления нового понимания этого принципа тесно связаны с деятельностью Конституционного Суда РФ. Демократические начинания конца 80-х прошлого века оживили этнический аспект общественно-го развития в гигантской полиэтнической стране. «Парад суверенитетов» привел к тому, что конституции отдельных республик провозгласили их суверенность, а также права на выход из состава Федерации, внешнеполитические связи и т.д.

Конституционный Суд РФ в 1992 г. провел и признал некоторые положения ряда актов Республики Татарстан (Декларацию о государственном суверенитете, законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Республики Татарстан», «О референдуме Республики Татарстан» и др.) не соответствующими действовавшей в тот период Конституции РФ. Непосредственным поводом для рассмотрения дела послужило постановление Верховного совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 г. о проведении республиканского референдума по вопросу: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан — суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?».

Речь, как следует из содержания вопроса, шла о новой формуле конституционной идентичности республики как суверенного государства и субъекта международного права, отношения которого с Федерацией строятся на основе равноправных договоров. Соответственно, на эти отношения не распространяются федеральные Конституция и законы. Тем самым государственно-правовые

отношения Российской Федерации с одним из ее субъектов трансформируются в международно-правовые (конфедеративные) отношения.

Важно при этом иметь в виду, что поиск такой формулы республикой происходил на фоне ослабления «вертикали» государственной власти и утраты ею функции социального служения, «парада суверенитетов» республик и тенденции к «республиканизации» автономных образований и даже административно-территориальных единиц. Представляется, что в демарше республики в немалой мере присутствовал протест против проводившейся федеральными властями в этот исторический период социально-экономической политики.

В основу принятого 13 марта 1992 г. решения Конституционный Суд РФ положил несколько фундаментальных начал конституционного устройства России, в т.ч.: принцип неделимости государственного суверенитета и единства и целостности Российского государства как его выражения; принцип общей воли народа России как доминанты государственного строительства Российской Федерации; принцип равноправия народов России, на равных основаниях участвующих в управлении государством; консенсус в отношении национального достоинства и уважения прав человека независимо от каких-либо обстоятельств, в т.ч. национальности, языка, религии, места жительства и прочих условий. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся содержания данного принципа, его природы и способов реализации, вошли в Конституцию РФ 1993 г. и были развиты в ряде иных его решений (постановления: от 31.07.1995 г. № 10-П; от 07.06.2000 г.; от 14.07.2015 г. № 21-П; Определение от 27.06.2000 г. № 92-О; Заключение от 16.03. 2020 г. № 1-3 и др.). В силу этого они имеют критериальное значение для развития законотворчества, деятельности исполнительной власти и правосудия; столь же значимы они для науки права.

Итак, *носителем принципа самоопределения является государство*. Принцип самоопределения является юридическим выражением многовекового опыта государственного строительства России и соработничества, т.е. сотрудничества и особых духовных усилий народов, населяющих Россию со времен, описываемых святым Нестором Летописцем в «Повести временных лет», или вошедших в состав России позднее. Будучи общим правилом, этот принцип лежит в основе государственности и выступает системообразующим началом федеративной системы России, и в качестве такого обязывает всех субъектов конституционного права. Он связан со всей системой принципов, составляющих основы

конституционного строя как строя демократии, верховенства права и прав человека.

Государство — носитель порядка, в котором проходит жизнь народа. Это означает, что носителем этого принципа и непременным участником общего конституционного правоотношения равноправия и самоопределения народов является Российское государство.

Данный тезис получил развитие в поправке Президента В.В. Путина к Конституции РФ, согласно ч. 2 ст. 67¹ которой Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Весьма возможно, что у лингвиста это выражение — «Российская Федерация... признает исторически сложившееся государственное единство», т.е. государство признает собственное единство, — может вызвать некоторую долю недоумения.

Для юриста в этой *констатирующей* норме Основного Закона, имеющей значение правоположения прямого действия и непосредственно применимого, заключен ряд теоретических и практических выводов, имеющих значение для обсуждаемой проблемы: Российская Федерация является всеобщей политико-юридической формой самоопределения российской политической нации и всех образующих ее народов и этнических групп; государственное единство есть сущностная характеристика и условие идентичности Российской Федерации; народы России имеют право на равенство прав и несут обязанности, порождаемые государственной бытийностью, соразмерные своей численности и уровню экономического развития; малочисленные народы пользуются особой правовой защитой; принцип самоопределения, признаваемый Конституцией РФ и находящийся под ее защитой, ни при каких условиях не может служить оправданием сепаратизма и сецессионизма; наконец, указание на тысячелетнюю государственность и память предков, передавших нам, т.е. живущим поколениям, идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства в т.ч. означает, что защита основ конституционного строя Российской Федерации, ее единства и целостности — дело всего многонационального народа России и каждого гражданина. Поколения сменяют друг друга, народ, организованный в государство и образующий его, непрерывен. С этой точки зрения, равноправие и самоопределение народов является неотъемлемой частью конституционной идентичности России как суверенного государства. Данный принцип, с одной

стороны, воплощается в государстве и его устройении, с другой — составляет одну из основ его внутренней и внешней политики. Федеральный законодатель конкретизирует содержание данного принципа и вытекающего из него полномочия, их пределы, порядок осуществления, гарантии и пр. Отсюда следует, что адресатом и носителем принципа самоопределения является *Российское государство в его суверенной бытийности*¹¹.

Из принципа равноправия и самоопределения народов вытекает **право на равноправие и самоопределение**, являющееся конститутивным элементом конституционного статуса субъектов, т.е. тех самых «само», которые осуществляют «определение». При этом в государстве со сложившейся национально-территориальной организацией и конституционно установленным консенсусом относительно национального достоинства и вытекающих из него прав равноправие и самоопределение народов представляет собой правовое состояние, санкционированное Основным Законом.

Следовательно, право на самоопределение, во-первых, является не непосредственно применимым, а *потенциальным* правом той или иной территориальной или национальной общности, претендующей на самоопределение. Его превращение в реальное право конкретного субъекта требует применения конституционных норм уполномоченными на то органами государства; во-вторых, нормативное содержание права на самоопределение различно у разных носителей этого права, оно должно сопрягаться с их конституционным статусом и быть адекватным ему.

Наиболее широким является право на самоопределение народа, образующего физический субстрат государства. В самом общем плане его сущность заключается в праве народа или народов, живущих в суверенном государстве и образующих единое сообщество, совместно определять и устанавливать соответствующий их воле конституционный правопорядок. Речь, стало быть, идет о праве народа на государственную бытийность, сущности созданного им государства и обязательствах последнего по отношению к народу в целом либо обязательствах, обусловленных этническим разнообразием населения. Условием легитимности этого правопорядка является равенство всех народов в их праве на участие в управлении государственными делами и обеспечение прав национальных, религиозных и лингвистических меньшинств. Такому

¹¹ По замечанию В.Л. Толстых, «самоопределение, рассматриваемое в свете идеи суверенитета, является самоопределением правительства (верховой власти)» (см.: Толстых В.Л. Три идеи самоопределения в международном праве // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 9 (78)).

решению, продолжая сложившуюся в Европе после Первой мировой войны традицию отказа от «принципа национальности», отдал предпочтение Совет Европы в рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. Этот подход был подтвержден принятым в рамках ОБСЕ Пактом о стабильности в Европе от 21 марта 1995 г. («Пакт Балладюра»), названным по имени французского политика и государственного деятеля. Еще более определенна резолюция № 1832 ПАСЕ от 4 октября 2011 г., согласно которой «право на самоопределение не предусматривает автоматического права на отделение», это право «в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств...».

Отсюда в т.ч. следует, что обычный в политических дискурсах акцент на естественной природе права на самоопределение *в смысле выхода из суверенного государства* не имеет оснований; право на самоопределение часто носит революционный характер, конституция всегда антиреволюционна. Соответственно, право на самоопределение имеет *границы*, пределы которых устанавливаются государствами и могут быть различны в зависимости от их конституционной организации. В одних случаях они объективны, в других — предопределены концептуальным основанием конституционного порядка государства. Так, Конституционный совет Франции в 1991 г. в решении в отношении Корсики указал, что признание существования «корсиканского народа как составной части французской нации», на чем настаивала Корсика, противоречит Конституции пятой республики, к ведению которой относятся вопросы самоопределения без вмешательства извне. В основе принятого решения — концепция государства-нации, т.е. отказ от понимания нации как этнической общности и отождествление нации и государства; корсиканцы составляют часть нации не как народ, а в своем качестве граждан Франции, в своей совокупности образующих единую французскую нацию.

Верховный суд Канады, выполняющий функцию судебного конституционного контроля, в основу своего решения 1993 г. в отношении Квебека положил принцип территориальной целостности государства. Право на самоопределение, по его мнению, актуально при угнетении народа, т.е. в чрезвычайных обстоятельствах. Если таких обстоятельств нет, право на самоопределение не должно основываться на праве одностороннего отделения от федеративного государства, когда последнее позволяет участвовать в политической власти и в экономическом, социальном и культурном развитии субъектов Федерации. Самое большее, что влечет за собой референдум о самоопределении какого-либо субъекта Федерации, так это обязательство проводить переговоры между заинтересованными сторонами.

Конституция РФ отвергла активно муссировавшийся в начале 90-х годов тезис о договорной природе отечественного федерализма и делимости государственного суверенитета. Российская Федерация представляет собой не гетерогенное объединение разнородных сочленов, а единое и целостное государство, суверенитет которого распространяется на всю его территорию. Этим предопределяются обязанности субъектов по отношению к государству в целом, единство конституционного пространства России и недопустимость создания каких бы то ни было обособленных зон, в которых не действуют Конституция и законы Федерации, запрет сепсизма и проч.

Таким образом, *право на самоопределение не абсолютно ни по содержанию, ни по территориальным границам*. В равной мере не существует общего для всех государств лекала его реализации. Поэтому аргумент «а вот у них» не работает. *Конституция РФ исключает «внешнее» самоопределение, оно реализуется в Российской Федерации*. Право на самоопределение не есть «право на все», соответственно, вопросы самоопределения входят во внутреннюю юрисдикцию Российского государства, и на них распространяются гарантии невмешательства извне. Выход за эти пределы невозможно обосновать противоречием между принципами конституционного строя России, ибо само допущение такого противоречия юридически абсурдно; такой выход за указанные пределы всегда означает правонарушение, требующее реакции закона. Без учета данных обстоятельств установление круга субъектов этого права и составляющих его правомочий лишается всяких юридических ориентиров и превращается в правовое ничто.

Равноправие и самоопределение наряду с принципами суверенитета и федерализма столь же **тесно связаны с принципом демократического государства и присущим ему юридическим догматом общей воли народа и вытекающим из него принципом большинства**. Несмотря на кажущуюся ясность используемого Конституцией РФ словосочетания «равноправие и самоопределение *народов*», вопрос о круге субъектов права на самоопределение не столь очевиден. Сам термин «народ» употребляется Основным Законом в различных смыслах: «многонациональный народ Российской Федерации», т.е. народ, состоящий из многих этносов; «государствообразующий народ»; «народы Российской Федерации»; «коренные малочисленные народы».

Из этого терминологического разнообразия следует, что Конституция РФ различает этнонации и политическую нацию. Строй демократического федеративного государства основывается на исторически сложившемся и конституционно-легитимированном консенсусе относительно равноправия

и уважения национального достоинства и вытекающих из него коллективных и индивидуальных прав.

Политическая нация образуется в результате объединения различных этносов, которые в силу *правовой общности* становятся ее органическими частями. Это означает, что первичным субъектом права на самоопределение является *многонациональный народ Российской Федерации*, т.е. единая политическая нация (преамбула, ст. 3 Конституции РФ), суверенитет которой является основанием государственного суверенитета. В ст. 67¹ Конституции РФ она определяется как союз равноправных народов¹². Право народа на самоопределение является наиболее широким, поскольку в его власти установить конституционный правовой порядок либо внести в него изменения. Политико-юридической *формой* самоопределения народа России является суверенное Российское государство в его современном конституционном устройстве, а *способами* реализации — свободные выборы, референдум, всенародное и общероссийское голосование.

Субъектом права на самоопределение является *русский народ*, являющийся ядром российской политической нации и гарантом единства и целостности Российской Федерации и социальной сплоченности российской политической нации. Указание Конституции РФ на то, что русский народ является государствообразующим народом, во-первых, есть констатация несомненного исторического факта, во-вторых, означает, что формой и пространственным пределом самоопределения русского народа является Российская Федерация в целом. Как с полным основанием пишет В.В. Путин, «самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»¹³. В равной мере государство в целом является пространством самоопределения всех народов России.

¹² В связи с этим едва ли можно согласиться с мнением, что «конституционные и международно-правовые положения... не дают оснований для законодательного оформления идей о единой российской нации» (см.: *Кряжков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 97). Как представляется, оно обусловлено игнорированием специфики дисциплинарных подходов, присущих философии, социологии или этнологии. Политическая и юридическая идентификация народа как гражданской политической нации определяется не этническим, языковым или культурным сходством, а формируемой Конституцией правовой общностью и правами человека и гражданина, одинаково гарантируемыми всем гражданам государства (см.: *Пархоменко Р.Н.* Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса // Право и политика. 2014. Вып. 3). Не «просто» законодательное, а конституционное «оформление идей о единой российской нации» — политической — осуществлено в первом же предложении Конституции — «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

¹³ *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. 2012. 23 янв.

Субъектами права на самоопределения являются также все иные народы Российской Федерации, т.е.

народы (население) субъектов Федерации. Когда речь идет об установлении конституционного (уставного) правового порядка субъектов Федерации, право на самоопределение принадлежит не собственно этносу, численно доминирующему в республике, крае, области, автономном образовании и (или) давшему имя субъекту Федерации, а всему сообществу людей, составляющих население края, области, республики или автономного образования;

этнонации, объединившиеся в единую политическую нацию и ставшие благодаря консенсусу относительно равноправия и национального достоинства ее органической частью. Политико-юридическими формами их самоопределения в силу федеративного устройства России являются территориальные (края, области) и национально-территориальные образования (республики, автономные образования), а также экстерриториальные образования, т.е. этнические сообщества, объединившиеся в национально-культурные автономии.

В частности, право этнонации на самоопределение состоит из ряда правомочий, которые в их целостности образуют содержание права на самоопределение: а) право на равноправие с другими нациями; б) право в установленных Конституцией РФ формах свободно определять свой конституционный статус; в) право на равных основаниях с другими нациями участвовать в управлении государственными делами Российской Федерации и ее субъектов; г) право на национальную территорию; д) право на развитие; е) право на участие в распоряжении естественными ресурсами на национальной территории; ж) право на свободное развитие национальной культуры; з) право на свободное развитие и применение национального языка; и) право на уважение национальной чести, достоинства, обычаев и традиций нации, не противоречащих Конституции РФ и федеральным законам; к) право свободно решать все другие внутренние жизненно важные вопросы национального развития и проч.¹⁴;

¹⁴ Эти и иные этнические права обычно толкуют как «коллективное выражение национального суверенитета» (см.: *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет в СССР. М., 1958; *Дамдинов Б.Д.* К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 2; Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2015. Т. 1).

Несомненно, что права наций как этнических общностей находятся под защитой Конституции и международного права. Однако их трактовка сквозь призму национального суверенитета весьма сомнительна. Эта категория имела определенные основания в эпоху торжества принципа «национальности» и деколонизации и означала находящийся в процессе становления суверенитет государства. Не случайно национальный и государственный суверенитет в современном

национальные меньшинства. Государственно-правовая практика ряда субъектов Федерации дополнила территориальные формы самоопределения еще одной — национальными районами (Абазинский и Ногайский районы в Карачаево-Черкесии), являющимися формами самоопределения коренных малочисленных народов. Этнические сообщества вправе объединяться в экстерриториальные образования — национально-культурные объединения.

Кроме того, Конституция РФ защищает свободу национальной самоидентификации (ст. 26), право на сохранение, изучение и развитие родных языков всех народов (ст. 68). В Российской Федерации гарантируются установленные законом права коренных малочисленных народов (ст. 69). Регулирование и защита прав национальных меньшинств относится к ведению Федерации (п. «б» ст. 71); защита национальных меньшинств относится к совместному ведению Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72). К совместному ведению отнесена и защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ст. 72).

Право на самоопределение в современной международно-правовой системе включено в круг норм, регулирующих права и свободы человека. Отсюда следует, что индивид в правоотношениях самоопределения не поглощается сообществом и не утрачивает собственную волю. В силу этого право на равноправие и самоопределение не должно вырываться из общего контекста отечественного конституционного правопорядка, основывающегося наряду с демократией и верховенством права, также на правах человека. Соответственно, субъектами права на самоопределение являются также **граждане**.

Особенность правосубъектности граждан заключается в том, что, во-первых, они обладают правом на определение и указание своей национальной принадлежности; во-вторых, являются ассоциированными носителями коллективного права на самоопределение. Способами участия граждан в осуществлении права на самоопределение выступают различные формы электоральной демократии (выборы, всенародное голосование и референдум, общероссийское голосование, участие в национально-культурной автономии и проч.).

мире рассматриваются как тождество. В советский период отечественной истории категория национального суверенитета имела и определенные юридические основания в связи с вошедшим во все советские конституции концептом делимости суверенитета. Сегодня, однако, таких оснований нет, соответственно, концепция национального суверенитета представляет собой пережиток исчезнувшего явления, упорно не желающий уйти из общественного сознания в прошлое.

В этих формах и благодаря участию в них человека равноправие и самоопределение народов, в процессе и результатах которого каждый хочет отстоять свою правду, становится правдой для всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барсегов Ю.Г.* Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993.
2. *Вельяминов Г.М.* Соотношение принципов самоуправления народов и территориальной целостности // Правоведение. 2010. № 10. С. 103.
3. *Дамдинов Б.Д.* К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 2.
4. *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты / пер. с франц. М., 2002. С. 38.
5. *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя — восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58—74.
6. *Караев Р.М.* О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // Журнал рос. права. 2020. № 10.
7. *Князев Ю.* О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Междунар. жизнь. 2019. № 4.
8. Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2015. Т. 1.
9. *Кряжсков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 97.
10. Курс международного права. М., 1989. Т. 2. Основные принципы международного права. С. 170.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24—26.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 422.
13. *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение: теоретико-правовые и международно-правовые измерения // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 3.
14. *Пархоменко Р.Н.* Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса // Право и политика. 2014. Вып. 3.
15. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. 2012. 23 янв.
16. *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 8.

17. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в СССР. М., 1958.
18. Толстых В.Л. Три идеи самоопределения в международном праве // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 9 (78).
19. Фердросс А. Международное право / пер. с нем.: под ред. Г.И. Тункина. М., 1959. С. 59, 63.
20. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.
21. Хасанов А.А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал рос. права. 2017. № 10.
22. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2006.
23. Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. 1996. № 4. С. 18, 19.
8. Constitutional Law: university course: studies: in 2 vols. / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukova. M., 2015. Vol. 1 (in Russ.).
9. Kryazhkov V.A. The right of peoples to self-determination in the Russian Federation (on the example of the Republic of Karelia) // State and Law. 2020. No. 4. P. 97 (in Russ.).
10. Course of International Law. M., 1989. Vol. 2. Basic Principles of International Law. P. 170 (in Russ.).
11. Lenin V.I. The complete works. Vol. 24–26 (in Russ.).
12. Marx K., Engels F. Essays. Vol. 1. P. 422 (in Russ.).
13. Ostroumov N.V. Territorial integrity of states and its guarantee: theoretical-legal and international-legal dimensions // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2013. No. 3 (in Russ.).
14. Parkhomenko R.N. Citizenship and national identity in the understanding of Yu. Habermas // Law and Politics. 2014. Issue 3 (in Russ.).
15. Putin V.V. Russia: a national question // Nezavisimaya gaz. 2012. 23 Jan. (in Russ.).
16. Stalin I.V. Collected works. Vol. 3. P. 8 (in Russ.).
17. Sudnitsyn Yu.G. National sovereignty in the USSR. M., 1958 (in Russ.).
18. Tolstykh V.L. Three ideas of self-determination in International Law // Eurasian legal journal. 2014. No. 9 (78) (in Russ.).
19. Ferdross A. International Law / transl. from German; ed. by G.I. Tunkin. M., 1959. P. 59, 63 (in Russ.).
20. Khabrieva T. Ya. Modern problems of self-determination of ethnic groups: a comparative legal study. M., 2010 (in Russ.).
21. Khasanov A. the relationship and interaction of principles of self-determination and the territorial integrity of States // Journal of Russ. 2017. No. 10 (in Russ.).
22. Tsygankov P.A. Theory of international relations. M., 2006 (in Russ.).
23. Chernichenko S.V. The principle of self-determination of peoples (modern interpretation) // Moscow Journal of International Law. 1996. No. 4. P. 18, 19 (in Russ.).

REFERENCES

1. Barsegov Yu. G. Self-determination and territorial integrity. M., 1993 (in Russ.).
2. Velyaminov G.M. Correlation of principles of self-government of peoples and territorial integrity // Jurisprudence. 2010. No. 10. P. 103 (in Russ.).
3. Damdinov B.D. On the question of the right of peoples to self-determination: problems of the subject, content and forms of implementation // Siberian legal herald. 2005. No. 2 (in Russ.).
4. Zhakke J.-P. Constitutional law and political institutions / transl. from French. M., 2002. P. 38 (in Russ.).
5. Kabyshev V.T., Zametina T.V. Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol – restoration of historical justice: constitutional and legal analysis // Herald of the SSLA. 2014. No. 2 (97). P. 58–74 (in Russ.).
6. Karaev R.M. On the correlation of the principles of territorial integrity and equal rights and self-determination of peoples // Journal of Russ. law. 2020. No. 10 (in Russ.).
7. Knyazev Yu. On the non-contradiction of the principles of territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination // International life. 2019. No. 4 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; 109012 г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBZEEV Boris S. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, member of the Central election Commission of the Russian Federation; 9 B. Cherkassky lane, 109012 Moscow, Russia